

нексию. Не ставя в известность ни царя, ни главу правительства, А.П.Извольский 3 сентября 1908 года в замке Бухлау в ходе «собственных тайных переговоров» с австро-венгерским министром бароном Эренталем занял «позицию согласия» с аннексией Боснии и Герцеговины в размен на якобы «готовность Вены» поддержать открытие Черноморских проливов для российского флота.

Вопрос о свободе прохода через проливы Босфор и Дарданеллы имел историческое, стратегическое значение для национальных интересов и безопасности России. Поддержки в вопросе о проливах русская дипломатия добивалась и от союзников по Антанте. За активную моральную поддержку Франции в ходе Агадирского (марокканского) кризиса летом 1911 года в Санкт-Петербурге рассчитывали на признательность Парижа в двух существенных для русских интересов вопросах: по проливам и по маньчжурской ситуации. Соответствующее соглашение предполагалось оформить в виде обмена письмами министров двух стран. Французская позиция оказалась уклончива⁵. Русский посол в Лондоне А.К.Бенкендорф также пытался включить в готовящееся соглашение с британцами вопрос о Черноморских проливах, но безрезультатно.

Неудавшийся «маневр» министра А.П.Извольского перед австрийцами, противоречивший интересам Сербии, вошел в историю как «скандал Бухлау» и был расценен П.А.Столыпиным как затрагивающий «интересы внутреннего состояния Империи и угрожающий предстоящему и необходимому заграничному займу»⁶. П.А.Столыпин рассматривал инициативу руководства МИД как серьезную политическую ошибку, а постановку вопроса о переходе к практическим действиям по установлению контроля за Черноморскими проливами как преждевременную, чреватую возникновением серьезного вооруженного конфликта не в интересах России.

Вместе с тем Столыпин полагал, что отказ от признания аннексии Австрии, учитывая фактическое владение ею данной территорией (т.е. военного вторжения не было), мог бы повлечь самые негативные последствия для России, вплоть до военного выступления «германского блока». В Петербурге учитывали, что между Веной и Белградом отношения балансировали на грани войны. Задачей русского правительства становилось удержание сербов от столкновения с австрийцами. К тому же 13 февраля 1909 года Франция уведомила о своей неготовности поддержать Россию, если она выступит на стороне Сербии и объявит войну